

УДК 340.12

АРЫСТАМБАЕВА СВЕТЛАНА АНДРЕЕВНА
кандидат философских наук,
магистр права,
старший преподаватель кафедры философии
Евразийского национального университета
им. Л.Н. Гумилева

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ – 2017: ВЗГЛЯД ФИЛОСОФА

Философия – эпоха, схваченная в мысли
Г.Ф.В. Гегель

Түйін. Мақалада автор 2017 жылғы наурыз айындағы Қазақстан Республикасының Конституциясына енгізілген түзетулерге философиялық талдау жүргізеді. Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің нормативтік шешіміне сәйкес топтастырған түзетулер олардың әлеуметтік философиялық құндылықтары тұрғысынан зерттелді. Автор өз қорытындыларын ғылыми пікірталасқа ұсынады.

Түйінді сөздер: Конституция философиясы, құқық философиясы, саясат философиясы, әлеуметтік философия, Конституция, заңнамаға түзетулер.

Аннотация. В статье автор проводит философский анализ поправок, внесенных в Конституцию Республики Казахстан в марте 2017 года. Поправки, объединенные в группы в соответствии с нормативным постановлением Конституционного Совета Республики Казахстан, исследованы с точки зрения их социофилософского значения. Автор выносит собственные выводы на научную дискуссию.

Ключевые слова: Философия Конституции, философия права, философия политики, социальная философия, Конституция, поправки в законодательство.

Annotation. In this article, the author conducts a philosophical analysis of the amendments made to the Constitution of the Republic of Kazakhstan in March 2017. Amendments, united in groups in accordance with the regulatory decision of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, were examined from the point of view of a sociophilosophical meaning. The author makes his own conclusions on the scientific discussion.

Key words: Philosophy of the Constitution, Philosophy of Law, Philosophy of Politics, Social Philosophy, Constitution, Amendments to the Law.

Философский ракурс рассмотрения феноменов реальности, как правило, ожидается отличается широтой круга вовлекаемых событий и оценок, абстрактностью выводов, развернутым историко-логическим анализом. Философия, будучи прилагаемой к фактам и происшествиям действительности, формирует околособытийное поле восприятия ситуации, которое дает возможность увидеть подлинные, глубинные, порой скрытые от непридирчивого взгляда механизмы, причины, последствия того или иного явления.

Именно поэтому философия, как древнее дерево, постоянно выпускает новые побеги, прорастающие во все формы и уровни человеческой деятельности. Этим самым она не только подтверждает – еще и еще раз – свою «профессиональную пригодность» как духа эпохи, как мировоззренческого фундамента, но и питает самое себя новыми источниками аутогенезиса. Философия проникает в самые сокровенные уголки человеческого бытия с тем, чтобы дать объяснение новым переживаниям, успокоить новые страхи, поддержать новые успехи.

Особенно успешно философия проникает в политико-правовую сферу. Философия политики и права сегодня существует и как дисциплинарное направление [1], и как институциональное образование [2], что позволяет говорить о ее исследовательской и мировоззренческой самостоятельности. Естественно, ветвление внутри данного направления продолжается. И данная публикация является исследовательским опытом в русле такого ветвления философии политики и права, как философия конституции. В качестве примеров успешных исследователей философского смысла конституций приведу Зухру Исмагамбетову [3], Галину Гараеву [4], Евгения Тюгашева [5].

Конституционность как предмет философского анализа не является ноу-хау XXI столетия. Классически возведем философию конституции к Гегелю, слова которого «Конституция есть распределенность функций государственной власти. Она содержит в себе определения того, каким способом разумная воля, поскольку в индивидуумах она всеобща только в себе, частью доходит до сознания и понимания самой себя и находит самое себя, частью же, будучи приведена к действительности деятельностью правительства и его особых отраслей, сохраняется в нем и ограждается в одинаковой мере как от случайной субъективности этих отраслей, так и от субъективности отдельных лиц. Она есть существующая справедливость как действительность свободы в развитии ее разумных определений...» [6], можно назвать предтечей данного философского направления. Конституционность, понимаемая, как «режим соблюдения конституции как высшего закона общества и государства; соответствие норм права или каких-либо действий нормам и принципам конституции» [7], неизбежно вызывает, порождает необходимость философского рассмотрения этого феномена: высший закон общества не может существовать отдельно, в отрыве от самого общества, а общество, в свою очередь, дает адекватную отдачу конституционного воздействия в виде поведенческих и мировоззренческих проявлений, реакций, отзывов.

В особенности это становится заметно, проявляется наиболее контрастно, в период конституционных изменений. Каждая поправка Конституции – это поправка структуры социополитической жизни страны, это изменение в правосознании граждан. И философия не имеет права не реагировать на эти факты.

Такой реакции сегодня ждут принятые в марте текущего года поправки в Конституцию Республики Казахстан, полный текст которых доступен на сайте Закон.кз [8]. Следует отметить, что с января по март текущего года поправки активно обсуждались гражданским сообществом Казахстана, отклики на них

были неоднозначны, и законодательно принятый вариант учел наиболее злободневные, актуальные, рациональные предложения.

Сегодня мы можем оценивать данные поправки как свершившийся факт, и этот факт может быть подвергнут философскому анализу. Для удобства исследования и восприятия поправки нами сгруппированы по аналогии с нормативным постановлением Конституционного Совета Республики Казахстан от 9 марта 2017 года № 1 «О проверке Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» на соответствие Конституции Республики Казахстан» [9].

Говоря о **группе поправок**, которые нацелены на обеспечение верховенства Конституции в системе действующего права и безусловное ее исполнение на всей территории страны, совершенствование управления государством, усиление защиты конституционных прав и свобод граждан, обеспечение исполнения ими конституционных обязанностей, обратим внимание на то, что данные поправки несут определенный аксиологический посыл.

Безусловно то, что поправки в указанной сфере, фактически, позиционируют Республику Казахстан как государство, развивающее свой экономико-политический потенциал и устанавливающее четкие правила для факторов дисбаланса в данной сфере. В какой-то мере мы наблюдаем приведение Конституции в соответствие объективно складывающейся ситуации – как внутри страны, так и на внешнеполитическом и экономическом уровнях. Говорить о том, что эти поправки не нужны, значит, не видеть, не осознавать реальности, динамики и величия тех процессов, которые разворачиваются на наших глазах.

Следует особо подчеркнуть, что изменение, затрагивающее ситуации, касающиеся лишения граждан Республики Казахстан гражданства, несет смысл личной ответственности за страну, за государство. «На основе практического включения субъекта в функционирующую структуру ценностных взаимодействий и должного отношения его к необходимым обязанностям к нему предъявляется система научно обоснованных требований (санкций), а также система мер и средств престижно-поощрительного характера, стимулирующая высоко гражданские акты поведения», - пишет Александр Ореховский в книге «Философия ответственности. Методологический, концептуально-теоретический, правовой, аналитико-прогностический аспекты» [10]. Именно ответственность в ее философском смысле полагает выбор личности: либо принимать существующую систему ценностей и поддерживать ее своим поведением, либо избрать альтернативный путь аксиологических предпочтений и остаться в стороне от государственной гражданственности.

Второй блок поправок направлен на реализацию демократической модернизации президентской формы правления посредством усиления роли, самостоятельности и ответственности Парламента и Правительства, перераспределения отдельных полномочий между Президентом, Парламентом и Правительством, исходя из принципа единства и разделенности государственной власти, повышению ответственности и эффективности функционирования ветвей государственной власти.

Говоря о власти как системе отношений и философии власти как сложившейся системе теоретико-исследовательских взглядов, остановимся на концепции Мишеля Фуко. «Сложившиеся в средние века важнейшие институты власти — монархия, государство с его аппаратами — пережили свой взлет на фоне множественности предшествующих форм власти и до определенной степени — в противовес им: плотным, путаным, конфликтным формам власти, формам,

связанным с прямым и непрямым владением землей, с владением оружием, с крепостничеством, с узамы сюзеренной и вассальной зависимости. Если эти институты власти и смогли укорениться, если они смогли, выгодно используя целую серию тактических альянсов, заставить принять себя, то только потому, что они представили себя в качестве инстанций регулирования, арбитража, разграничения, в качестве способа ввести внутрь этих форм власти определенный порядок, зафиксировать некоторый принцип их смягчения и распределения соответственно границам и установленной иерархии. Перед лицом сил множественных и сталкивающихся, поверх всех гетерогенных прав, эти важнейшие формы власти функционировали в качестве принципа права, конституируя себя при этом в качестве унитарного ансамбля, идентифицируя свою волю с законом и, наконец, осуществляя себя через механизмы установления запретов и применения санкций» [11]. В книге «Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности» Фуко говорит: «Власть повсюду; не потому, что она всё охватывает, но потому, что она отовсюду исходит» [12].

В таком контексте поправки в казахстанской Конституции выглядят ничем иным, как констатацией развивающейся самореализации суверенитета власти, причем эта самореализация носит наднациональный, надсубъективный, надличностный характер. Так, факт отказа Главы государства от делегирования ему законодательных полномочий по изданию законов, указов, имеющих силу законов, указывает на укрепление законодательной самостоятельности Парламента, что есть не что иное, как демонстрация проявления указанной нами самореализации суверенитета.

Третий блок поправок корректирует конституционный статус и полномочия Главы государства. «Президент является символом единства государства, представителем и защитником интересов граждан как в своей стране, так и за рубежом; он несёт персональную ответственность за происходящее в стране» - пишет Михаил Марченко в статье «Политико-правовой статус института президента (исторический аспект)» [13]. Символизация политико-правовой реальности – естественная необходимость адаптации сложных феноменов государственного строительства к особенностям обыденного мировоззрения. Виктор Астаповский и Борис Соколов указывают, что «Важным символом политической культуры страны следует считать институт президентства. Он как бы соединяет прежнее, сакральное восприятие власти великих князей, королей и императоров, генеральных секретарей с политическим рынком, выборным началом. Тем более, что во всех странах, составлявших в свое время «социалистический лагерь», этот институт стал одним из основных элементов формирующейся новой политической системы» [14]. Здесь же авторы придают концепту политической символики конструктивный смысл, говоря, что «Политическая символика – важная часть политической культуры. По отношению большей части населения к символам (воплощающим, как правило, определенные политические ценности) можно делать выводы не только о политической культуре, но и о формировании политической нации, сообществе, живущем в едином политико-правовом пространстве, законы и нормы которого признаются универсальными, несмотря на классовые, этнические, конфессиональные и другие различия» [15].

Таким образом, политический символ, оторванный от действительности, не изменяющий свое содержание в соответствии с изменяющейся реальностью рискует превратиться в симулякр, в псевдосимвол, существующий сам ради себя, а не ради выполнения настоящих функций. И в этом смысле третий блок поправок в Конституцию демонстрирует готовность верховной власти к насущным, ак-

туальным изменениям.

Четвертый блок поправок вносит изменения в действовавшую нормативную базу деятельности судебной системы и органов прокуратуры. Социальная философия, а конкретно – ее раздел, изучающий философские проблемы профессионального правового сознания – учит, что «Социальная обусловленность проявляется на уровне профессионального правосознания в двух аспектах: это аксиоматически позитивное отношение к праву, которое формируется как специфический критерий отбора сотрудников правоохранительных органов, судебского корпуса, адвокатуры и других представителей профессионального уровня правосознания, и социально-культурная обусловленность профессионального правосознания, выражающаяся в тех специфических функциях, которые выполняются его носителями» [16]. Далее автор пишет: «Таким образом, профессиональное правосознание представляет собой систему идей, представлений, чувств, эмоций, привычек, традиций, которые свойственны юристам-профессионалам. Все это относится к профессиональному правосознанию, которое развивается в процессе правоприменения в деятельности разного рода правоохранительных учреждений – суды, прокуратура, адвокатура, нотариат, органы внутренних дел, финансовой полиции, национальной безопасности и другие. Именно профессиональное правосознание обеспечивает реализацию предписаний юридических норм. В то же время правовая практика тесно связана, основана на юридической теории. Профессиональное правосознание формируется в ходе специальной образовательной деятельности, которая неразрывно связана с теориями в сфере права» [17].

Как видно из цитируемого текста, профессиональное правосознание носит социально обусловленный характер, что означает жесткую взаимосвязь между динамикой социальной реальности и необходимостью внесения изменений в нормативную базу, регламентирующую профессиональное правосознание, определяющее деятельность юристов.

Проведенный анализ авторского восприятия философского значения поправок, внесенных в Основной Закон страны 10 марта текущего года, это приглашение к дискуссии о философском значении тех перемен, которые происходят с нами, вокруг нас, ради нас, из-за нас. Это призыв осознать, понять и принять ответственность за собственную жизнь – такую, какой мы ее творим.

Список литературы:

1. <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-politiki-i-prava-proshloe-nastoyaschee-i-budushee-universitetskoy-distsipliny>, https://elibrary.ru/title_about.asp?id=62274
2. <http://philos.msu.ru/kaf/fpp>, <http://philosophy.spbu.ru/396/8800>
3. <https://articlekz.com/article/8346>
4. <https://books.google.kz/books?id=false>
5. <https://www.academia.edu/8959522>
6. Гегель Г. Философия духа // Энциклопедия философских наук.- М.: Мысль, 1977, Т.1. С. 360.
7. http://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/4635
8. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32937557
9. http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36772838#pos=3;-178
10. <https://mybook.ru/author/aleksandr-orehovskij/filosofiya-otvetstvennosti-metodologicheskij-konce/>
11. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_vol/05.php
12. Там же.

-
13. Марченко М. Н. Политико-правовой статус института президента (исторический аспект) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1992. С. 7.
 14. В.Е. Астаповский, Б.М. Соколов. Политическая символика в нормативно-оценочной составляющей политической культуры белорусов // Проблемы управления. — 2009.- № 4.- С. 100-104.
 15. Там же.
 16. Арыстамбаева С.А. Социально-философский анализ правосознания. Монография. – Астана, 2008. – 214 с. – стр. 291.
 17. Там же, стр. 114.